

## Уголовное право как ресурс: проблемы модернизации.

**1. Цель настоящей статьи.** Она состоит в рассмотрении некоторых направлений оптимизации уголовного законодательства и права. Эта попытка осуществляется на основе анализа двух понятий - ресурс уголовного права и модернизация уголовного права. Они - эти понятия - кажутся полезными для рассмотрения таких свойств уголовного права, которые отражают как теоретически осмысленные в доктрине его функции, так и реальные возможности его использования для достижения осознанных или неосознанных, позитивных или негативных социальных целей. Функции права, если отвлечься от споров об их содержании, можно определить как легитимацию и организацию властных отношений, преодоление конфликтов, управление поведением и пр. Ресурс уголовного права специфичен, отражает его природу и определяет как возможности, так и содержание реализации его функций, взятых во времени и пространстве, применительно к субъектам его осуществления. Любое государство и общество стремятся к тому, чтобы обладать достаточным и только необходимым ресурсом уголовного права, использовать его для общего блага, минимизируя объективные и субъективные негативные последствия действия уголовного закона. В Российской Федерации, проведшей сравнительно недавно уголовно-правовую реформу, это также является актуальным<sup>1</sup>. Соответственно этому ниже последовательно рассматриваются понятие и параметры уголовно-правового ресурса или ресурса уголовного права, дается его – ресурса - объективная и субъектная характеристики, выявляются возможные направления модернизации уголовного права.

**2. Ресурс в механизме действия уголовного права.** Действие уголовного права в тенденции основано как на конституционных началах устройства российского общества, так и на его действительных потребностях. Однако уголовный закон более чем острый аргумент. Признавая его социальную ценность общество, государство

---

<sup>1</sup> См. например: *Кропачев Н.М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб, 1999; *Кругликов Л.Л.* Проблемы теории уголовного права. Избр.статьи. (1982-1999). Ярославль, 1999; *Милуков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб, 2000; *Наумов А.* Новый Уголовный кодекс России – отражение происходящих реформ//Власть, 1997, « 2. С.15-21;

обязаны формировать условия, которые должны состоять в том, что уголовное право создается и применяется:

- а) надлежащими субъектами, выражающими легитимную волю общества;
- б) в соответствии с действительными потребностями и наличными возможностями общества;
- в) строго в соответствии и на основе закона;
- г) не может быть приватизировано кем бы то ни было для трансформированных в свою пользу целей;
- д) укрепляет, а не разрушает общество, блокируя его развитие и воздействуя негативным образом на состояние населения и социальные процессы.

Вне соблюдения этих условий уголовный закон может оказаться - и в истории человечества неоднократно оказывался - разрушительным фактором, хотя по своей природе он должен устранять, а не усугублять произвол публичной власти, укрепляя социальный мир.

**3. Методические основания анализа ресурса уголовного права в его позитивных и негативных проявлениях.** Они состоят в следующем:

а) подход к уголовному праву как социальному ресурсу, является одним из возможных; он не решает все вопросы, а условно говоря, показывает, какова созидательная и разрушительная сила уголовного закона, как он лечит раны и, преодолевая сопротивление, меняет поведение. Будучи на первый взгляд непривычным, этот подход основан на традиционном понимании права как необходимого инструмента социального управления. Тем самым он связан с представлениями об эффективности права, сфере или пределах его действия, менее четкими представлениями о механизме действия права, его ресурсоемкости и проч.;

б) уголовное право, как и любая отрасль права, претерпевает в процессе своего существования весьма глубинные изменения, в том числе сказывающиеся на его природе; как самостоятельная отрасль права оно вообще существует относительно недавно, выделившись из правовой системы с развитием государственной власти и тем самым является объектом модернизации;

в) во многих странах и прежде всего странах континентального права, на современном этапе уголовное право рассматривается как социальный институт,

находящийся в кризисе<sup>2</sup> и нуждающийся в легитимации, это его состояние обостряется бурными социальными переменами и нажимом общества, видящем в уголовном праве средство спасения от социальных невзгод;

г) ресурсы уголовного права – в конечном счете это ресурсы жесткой и тактически весьма эффективной власти, которая путем применения уголовного права способна оказать весьма сильное как позитивное, так и негативное влияние на социальные процессы, вплоть до их существенной трансформации;

д) ресурс уголовного права - повторяем - это возможность результативно действовать, добиваться некоторых целей, причем эти возможности распределены между субъектами власти и тем самым всегда ограничены, хотя и не столь жестко как иные социальные ресурсы; уголовное право, следовательно, находится в руках определенных социальных субъектов и поэтому естественным состоянием является борьба за уголовное право как ресурс, ведущаяся обычно достаточно жестко и на этапе правотворчества и на этапе правоприменения.

**4. Содержание ресурсной характеристики уголовного права.** Здесь должны быть реализованы два подхода: объективный и субъектный. Объективная характеристика уголовного права как ресурса состоит в указании на возможности его использования, т.е на содержание, интенсивность и пределы его воздействия на поведение людей и правопорядок в целом. Такая характеристика показывает, как уголовный закон опосредуется действиями тех или иных субъектов и что он может изменить, меняет во внешней среде. Эта характеристика является объективной в смысле ее онтологичности: она отражает то, что есть или то, что предполагается наличным при данном состоянии познавательных средств (статистика, иные приемы социологического анализа). Субъектная характеристика отражает тот факт, что понятие ресурса предполагает наличие субъекта его использования и показывает как распределен ресурс уголовного закона, кому он принадлежит и как действует уголовный закон в руках лица, института, государства в целом.

Объективно ресурс уголовного права включает в себя возможность и вектор возможности. Он позволяет весьма специфическими и крайне острыми средствами:

а) формировать практику реализации властных функций, положение власти в структуре общества, давая юридическую характеристику поведения физических, а тем

---

<sup>2</sup> См.: Дубовик О.Л. Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории//Право и политика, 2001, № 2. С.130 - 134; Жалинский А.Э. Немецкая уголовно-правовая наука на смене тысячелетий (Рец. на сб.статей)// Уголовное право, 2002, № 4. С.136-139.

самым и юридических лиц, определяя по существу их правоспособность и дееспособность, институализируя пределы свободы и возможности самореализации;

б) определять правила игры на социальном и экономическом рынках, а тем самым - правовое и фактическое содержание социальных процессов, в целом состояние социального мира;

в) формировать социальную атмосферу, определяя инициативность людей, их креативность, чувство свободы или, напротив, чувство страха перед властью, судьбой, уход от свободы, т.е. эскапизм.

Но, вероятно, можно считать, что по своему вектору ресурс уголовного закона все же в основном направлен на усиление императивных начал правового регулирования или того, что в теории права называли статусным правом в противоположность праву контрактному<sup>3</sup>, когда развиваются, в частности отношения подчинения в умаление договора, монополизма в умаление рынка и проч. При этом, что необходимо всегда учитывать, ресурс уголовного права принципиально противоречив. Здесь не действует поговорка «кашу маслом не испортишь» даже, если законодатель руководствуется самыми благими намерениями. Обеспечиваемая уголовным законом в пределах его ресурса социальная дисциплина полезна для общества и неизбежна в принципе. Но реально страх уголовного наказания, а тем более произвольного, неожиданного, немотивированного, незаконного, разрушает общество. Попробуем раскрыть эти положения на лишь одном примере, позволяющем показать общее значение проблемы.

В ФРГ на протяжении нескольких последних лет проходил уголовный процесс, который был связан с поглощением АО «Манесман» фирмой «Водафон» и получением вознаграждения руководством фирмы «Манесман» за действия, проведенные в процессе слияния. На скамье подсудимых в земельном суде Дюссельдорфа находились Йозеф Аккерман - шеф Дойче Банка, Клаус Эсер - бывший шеф фирмы «Манесман», Юрген Ладберг - бывший председатель производственного совета фирмы «Манесман», Дитмар Дросте - прокурисст «Манесмана», Клаус Цвикель - бывший первый председатель ИГметалл, Йоахим Функ - бывший председатель наблюдательного совета фирмы «Манесман». Собственно судебный процесс длился полгода, включал в себя 36 судебных заседаний. На нем было заслушано 55 свидетелей, в числе которых, в частности были руководители фирмы Водафон, Альянс и других организационно-правовых структур. Процесс закончился оправдательным приговором в отношении

---

<sup>3</sup> См.: *Rehbinder M. Rechtssoziologie*. 4 Aufl. Muenchen, Beck, 2000, S. 83

всех шести обвиняемых. В прессе он был довольно дружно назван оправдательным приговором второго сорта, что имеет существенное значение для характеристики уголовно-правового ресурса. Подсудимым, оставшимся на свободе на протяжении всего времени ведения процесса, были предъявлены различные обвинения. Основным из них было обвинение по параграфу 266 УК Германии «Злоупотребление доверием». Предусмотренный в нем уголовно-правовой запрет единодушно в немецкой специальной литературе рассматривается как влекущий высокие уголовно-правовые риски<sup>4</sup>. Фактическое содержание обвинения заключалось в том, что подсудимые получили весьма высокое вознаграждение за их действия в процессе передачи активов фирмы «Манесман» Водафону, причем получили их за счет «Манесмана». Газета **Вельт** в номере от 23 июля 2004 г. на вопрос о том, что собственно вменяется обвиняемым, получила следующее юридическое разъяснение. Обвиняемые по этому делу лица нарушили долг доверия как члены наблюдательного совета. В частности, Аккерман, Функ, Цвикель и Ладберг 4 февраля 2000 г. как члены соответствующей комиссии одобрили выплату 15 млн. евро тогдашнему шефу фирмы «Манесман» Клаусу Эссеру. По убеждению суда эти выплаты были не в интересах предприятия и, таким образом, являлись нарушением акционерного права.

К этому процессу было привлечено внимание всей Германии и, вероятно, бизнесменов других стран. Газеты назвали этот процесс политическим, связывая такую оценку как с последствиями самого процесса, так и с атмосферой, в которой он проходил. По ходу процесса в обществе, во всяком случае – в СМИ, обсуждались следующие вопросы: а) насколько определенным являются требования уголовного закона и не попали ли представители бизнеса под Дамоклов меч непредсказуемого обвинения, т.е. насколько сохраняется свобода принятия определенных решений; б) совместимы ли с правилами бизнеса и социальной этикой выплата таких сумм даже и топ-менеджерам ведущих компаний; в) как это повлияет на предпринимательскую культуру и социальный мир в стране. Высказывались совершенно различные взгляды и, естественно, дискуссия не закончена. Бульварная, но весьма квалифицированная газета «Bild» подвела итоги процесса следующим образом: «Приговор в Манесман-процессе постановлен в надлежащей процедуре по действующему праву и закону». Далее газета пишет, явно отражая мнение многих миллионов ее читателей: «Акционерный закон был погран ногами, гигантские суммы пролетели и никто за это не отвечает». Но добавляет: «Менеджеры в будущем не будут путать вверенные им предприятия с лавкой самообслуживания. Дюссельдорфский процесс закончил эру бесстыдного грабежа на топ-

---

<sup>4</sup> Troendle/Fischer. Strafgesetzbuch und Nebengesetze. 51 Aufl., Vuenchen, Beck, 2003. S. 1898-1901.

этажах. Мера и мораль получили наконец свой шанс»<sup>5</sup>. В более серьезных изданиях ставятся более глубокие вопросы о последствиях приговора и возможной его судьбе как обжалованного прокуратурой. Его значение, однако, можно показать, приведя весьма непривычное для ФРГ заявление председательствующей судьи в этом процессе Бригитты Коппенхёфер. Она заявила (дословно): «Еще никогда в течение моей 25-летней служебной деятельности как судьи не было так, как в этом процессе, предпринято столь массивной попытки оказать прямое или опосредованное влияние на решение суда». Давление, по заявлению судьи, оказывалось со всех сторон – как обвинением, так и защитой, равно как и из внешне нейтральных источников влияния<sup>6</sup>.

Это возможно непривычно пространный пример, но он убедительно показывает, каков действительный ресурс только одного, но наверняка прецедентного приговора суда, а именно: подсудимые несомненно во время процесса находились под сильной угрозой весьма негативных последствий и, значит, в состоянии стресса, их профессиональная деятельность была блокирована; процесс слияния - передачи активов - оказался более чем прозрачным и стал предметом социального дискурса; угроза неприятностей нависла над многими менеджерами и заставила отказаться от крупных вознаграждений. Но вместе с тем, разрыв в оплате немецких и американских менеджеров усиливается. Рискованные решения на рынке принимать будут реже. Влияние уголовного закона на экономику становится более сильным, что меняет аргументы ее развития. Популизм, очень опасный повсюду, растет. Нужен поиск золотой середины. Недаром после постановления приговора по описанному делу Министр юстиции ФРГ, в состав которого входит немецкая прокуратура, Бригитта Циприс сочла нужным заявить, что государственного регулирования оплаты менеджеров не будет. Это дело не Министерства юстиции, но правлений и акционеров<sup>7</sup>. Выход один: анализировать ресурс уголовного закона, приводить его в соответствие с Конституцией РФ, как это предусмотрено УК РФ, и оптимизировать его применение<sup>8</sup>.

**5. Параметры ресурсной характеристики уголовного права.** Как и право в целом, уголовное право характеризуется потенциальным ресурсом, наличным ресурсом и используемым ресурсом. Соотношение между этими характеристиками определяется инфраструктурой общества, его реальными и предполагаемыми потребностями. Наличие

---

<sup>5</sup> Bild, 25.07. 2004

<sup>6</sup> Welt, 23.07. 2004.

<sup>7</sup> Welt am Sonntag, 25.07.2004.

<sup>8</sup> См.: Жалинский А.Э. О конституционности уголовного законодательства Российской Федерации//Право и политика, 2003, № 6. С.37-45.

состояний такого рода позволяет и вынуждает рассматривать ресурс уголовного права как объект осознанного или неосознанного социального управления.

В рамках ресурсной характеристики вначале следует выделять материальные и формальные институциональные параметры. Институциональные параметры, это грубо говоря, то, что видят и исследуют юристы. Уголовное право есть совокупность (но в принципе не система) предписаний, принятых в определенном порядке, имеющих заданную форму и по всеобщим надеждам некоторое содержание или некоторую определенность.

В формально-правовом, чрезвычайно важном, сущностном плане, *потенциальный ресурс* уголовного права проявляется в его задачах (ст.2 УК РФ), пределах действия во времени и пространстве, охраняемом благе или предмете запрета и в границах уголовной ответственности. Все эти и иные институты уголовного права определяют, в каких ситуациях оно может быть применено и какие границы правомерного поведения оно устанавливает. Наличное состояние уголовного права в институциональном плане, т.е. привычно для юристов, определяется количеством и содержанием принимаемых решений, которыми в частности являются решения о возбуждении уголовного дела или отказе в этом, промежуточные и окончательные решения о применении мер уголовной ответственности, прежде всего приговоры судов. Желаемое или возможное состояния уголовно-правового ресурса определяются в пределах ресурса потенциального изменением задач уголовного закона, иных уголовно-правовых институтов и внешне изменениями инфраструктуры действия уголовного закона. Более подробный анализ этих параметров ресурса здесь не имеет смысла, поскольку они постоянно изучаются в теории уголовного права.

Материальные параметры ресурса уголовного права представляют большой интерес. Они особенно трудно поддаются изучению и действительно специалисты и общество в целом имеют о них крайне слабое представление. Это общая, а отнюдь не только российская проблема. Можно утверждать, что общественное сознание не имеет достаточно развитого за пределами статистики языка описания материального, т.е. социального, ресурса уголовного права и не располагает достаточным набором необходимых инструментов его познания. Граждане иногда чувствуют, что происходит нечто неладное и что им больно или страшно. Во всяком случае формальное и материальное представление о ресурсе уголовного права не совпадают и не должны совпадать между собой в принципе, но между ними должно быть некоторое ожидаемое соотношение. Проблема в том, что реальное соотношение между формальным и материальным состоянием ресурса как раз мифологизировано и обществу неизвестно. Здесь необходимы серьезные исследования, но предварительно можно выделить следующие группы параметров материального уголовно-правового ресурса:

а) изменение отношений власти и подчинения, поскольку применение уголовного закона означает расширение принуждения, более широкое применение императивных норм, сужение сферы частного права; не самым важным, но показательным примером является меняющееся соотношение социального статуса адвоката и прокурора, что может иметь и позитивное и негативное значение;

б) изменение поведенческих стереотипов, обычаев, правил, поскольку уголовный закон, определяя пределы свободы, опосредованно или прямо формирует способы предупреждения уголовно-правовых рисков, правила принятия решений, содержание экономических отношений;

в) перераспределение затрат общества, поскольку использование уголовного закона представляет собой затратную деятельность и повышает затратность иных социальных процессов;

г) усиление стратификации общества за счет выделения группы судимого населения и соответственно его криминализации.

**6. Субъекты уголовно-правового ресурса.** Ими являются обладающие возможностями определять содержание и применять уголовное право общество, народ как источник власти, собственно законодатель, официальные и неофициальные лоббисты. Эти субъекты обладают принципиально различными возможностями воздействия на законодателя и аппарат правоприменения. Хорошо известно, что именно практика - прежде всего следственно-судебная - определяет действительное содержание уголовного закона в процессе интерпретации существующих текстов.

Проблема, крайне важная для любой страны, состоит в том, чтобы уголовно-правовой ресурс использовался надлежащими субъектами, находящимися под необходимым и достаточным социальным контролем. Реформаторские усилия в Российской Федерации, можно полагать, ныне идут именно в этом направлении. Роль субъектов ресурса формально установлена с той или иной степенью определенности, но фактически в любой стране не совпадает с формально установленной. Поэтому крайне необходимо, хоть и очень сложно, выявлять реальное состояние субъектной распределенности или принадлежности уголовно-правового ресурса, что должно было бы полностью соответствовать еще требованиям марксистско-ленинской теории, а на этой основе реально оценивать характер и возможности его использования, т.е. целевое предназначение субъектно распределенного целевого ресурса. Остановимся лишь на отдельных аспектах этого вопроса.

**7. Общество как субъект уголовно-правового ресурса.** Являясь источником власти, оно обладает неоднозначным уголовно-правовым ресурсом, который иногда напрасно недооценивают. Предварительно можно утверждать, что ресурс общества велик, когда



необходимо расширять возможности уголовного закона. Оно оказывает сильное давление, требуя расширить запреты, усилить ответственность, назначать более строгие наказания. В то же время влияние общества относительно легко искажается и перехватывается иными субъектами уголовно-правового ресурса, использующими его не всегда вполне корректно.

Проблемы, подлежащие решению, как можно полагать, состоят в преодолении противоположности или конфликта интересов различных социальных групп, трудностей достижения необходимого согласия, осознании действительных потребностей и интересов общества, отсутствии необходимого социального контроля. Сейчас нет уверенности в том, что общество реально осознает свои действительные потребности, адекватно формулирует и контролирует сигналы, посылаемые в процессе установления уголовного права, т.е. правотворчества и еще более - в процессе правоприменения. В итоге в настоящее время в большинстве стран расширяется круг уголовно-правовых запретов, возникает превентивное уголовно-правовое регулирование, создаются составы ответственности за поставление в опасность и пр.

**8. Законодатель.** Очевидным образом он создает уголовное право как систему уголовно-правовых предписаний, содержащихся в России в УК РФ, в других странах в различных законах. Можно полагать, что законодатель, выступая в своем качестве, заинтересован в сохранении и полной реализации имеющегося у него по Конституции ресурса создания уголовного права - правотворческого ресурса, направленного на обеспечение сбалансированных интересов общества. Казалось бы, его ресурс исключителен в данной сфере, хотя и отсутствует в сфере применения принятого им закона. Но все же и здесь ресурс законодателя ограничивается либо деформируется интеллектуальными факторами, поскольку его возможности уяснить потребность в уголовно-правовом регулировании и отразить ее в тексте закона не всегда достаточны. Эти вопросы широко обсуждались в литературе, причем затрагивались и ресурсные возможности законодателя.

Здесь рассмотрим только специфическую проблему лоббирования в сфере уголовного правотворчества, а затем и в процессе уголовного правоприменения.. Выдвигается гипотеза о том, что *правовой ресурс законодателя зачастую деформируется в процессе лоббирования интересов субъектов, стремящихся расширить свой уголовно-правовой ресурс.* Эта проблема вообще открыто не поднималась в российской литературе и слабо осознана повсюду. Понятно, что в лоббировании того или иного уголовно-правового законодательного решения, т.е. в определенном состоянии уголовного закона, могут быть заинтересованы все названные выше субъекты, в частности представители различных ветвей и звеньев публичной власти, а именно руководители и органы исполнительной власти, правоохранительных органов, суда, естественно представители различных бизнес-групп, неправительственных организаций и пр.

Здесь есть ряд проблем, нуждающихся в практическом осмыслении и решении. Они таковы:

а) интересы субъектов, могущих и желающих влиять на уголовное правотворчество, должны быть выявлены и представлены обществу, а их круг определен институционально;

б) следует надлежащим образом определить возможности и средства лоббирования, не ограничивая их лишь наделением либо отказом в наделении тех или иных субъектов правом законодательной инициативы;

в) уравновесить возможности лоббирования, предупредить возможности давления на законодателя, нарушающего его конституционную независимость. В принципе уголовный закон служит обществу и жалобы правоохранительных органов на трудности его применения отнюдь не всегда вызваны интересами общества.

По-видимому, сейчас необходимо установить: а) порядок формирования экспертных групп, участвующих в правотворчестве, сделав их участие обязательным; б) ограничить возможности влияния на законодателя правоохранительных органов, которые являются прежде всего адресатами, но не создателями уголовного законодательства, что несомненно вызовет протесты; в) определить ответственность для должностных лиц - достаточно жесткую - за вносимые предложения, их аргументацию и пр. Это направление деятельности, которое сейчас довольно ярко отражено в предложении о введении криминологической экспертизы уголовного закона. Трудно сказать, насколько криминология способна быть методической базой такой экспертизы, но идея верна, хотя и недостаточна. Во всяком случае признание стремления влиять на законодателя лоббизмом весьма полезно и необходимо. Оно дешифрует позиции, не позволяет маскировать их ссылками на абстрактные интересы борьбы с преступностью и в то же время нередко по существу активизировать преступность, в частности интенсифицируя коррупционный потенциал и расширяя количество преступников, т.е. лиц, объявляемых таковыми по приговору судов, применяющих все расширяющийся уголовный закон.

**9. Правоохранительные орган и суд.** Они упоминались в связи с проблемой лоббизма. В анализе также нуждаются направленность и содержание их наличного ресурса, возможности его реализации. Уголовно-правовой ресурс органов дознания и следствия, а также суда весьма велик. Подчеркнем лишь несколько его проявлений. Уголовный закон применяется вольно или невольно выборочно и иначе быть не может, а поэтому решение об использовании ресурса остается за соответствующим должностным лицом. Усмотрение при индивидуализации наказания весьма велико, и решение судей слабо поддается контролю, а поэтому именно судьи в некоторых принятых рамках определяют судьбу осуждаемого ими лица. Стремление минимизировать интеллектуальные и физические усилия также

присутствует постоянно, сочетаясь с желанием добиться высокой оценки собственной работы, а поэтому адекватность толкования и применения уголовно-правовой нормы и значит судьба осужденного, правовая оценка действий иных лиц определяется также субъективно.

По всем этим причинам уважение к деятельности практических работников и необходимость предупреждения снижения их профессионализма должны предполагать жесткий социальный контроль за их деятельностью и во всяком случае задачи, правовые процедуры их деятельности, т.е. содержание уголовного (и уголовно – процессуального) закона должны задаваться со стороны.

**10. Модернизация уголовного закона.** Повторяем: это общая, более чем просто трудная, и отнюдь не только российская проблема, хотя, разумеется, каждая страна решает ее по-своему. В данном случае предлагаются лишь некоторые по техническим причинам очень краткие соображения о возможных направлениях и этапах модернизации уголовного закона . Они формулируются на уровне гипотезы и могут быть лишь поводом к дискуссии.

*Социальная основа модернизации.* Она должна проводиться в сбалансированных интересах общества, диктуемых современными социальными процессами и основываться на широком социальном дискурсе Сейчас остро необходимо уяснить содержание «общего блага», т.е. блага всего общества, соотносимого с уголовным законом, и выработать либо просто уяснить соответствующие взгляды на эти проблемы, зафиксировать имеющиеся мнения, предложения и аргументы к ним. Собственно говоря, необходимо выяснить действительное отношение населения к уголовному закону и его ресурсу, поскольку провозглашаемый ригоризм кажется неискренним. Только на этой основе можно выработать парадигмы модернизации, а затем определить необходимые для ее осуществления инфраструктурные условия и ее (модернизации) необходимую технику.

Направлениями модернизации собственно уголовного законодательства можно считать:

а) развитие социально ориентированных начал уголовного права, т.е. развитие ресурса, позволяющего обеспечивать на основе баланса интересы личности и необходимые рамочные условия развития экономики, культуры, охраны окружающей среды и проч.;

б) реальное проведение в жизнь всегда признаваемого в российской уголовно-правовой доктрине начала экономии уголовной репрессии, что должно привести к уменьшению числа лиц, находящихся в местах лишения свободы, и в то же время - к повышению результативности использования уголовно-правового ресурса;

в) переход от преимущественно символического в ряде сфер к рациональному использованию уголовного закона<sup>9</sup>, что должно привести к усилению регулятивного воздействия уголовного закона при жестком определении его специфических задач и предупреждении его использования в сферах частно-правового регулирования.

Эти направления можно сформулировать и иным образом, конкретизируя либо дополняя приведенные предложения. Но во всяком случае они не должны быть связаны с глубинными юридико-техническими и социальными преобразованиями действующего Уголовного кодекса РФ, который в целом является современным законодательным актом. Необходимо использование таких средств модернизации уголовного законодательства, которые обеспечивали бы его стабильность и предсказуемость применения, соответствуя при этом квалификации правоприменителя. Кроме того, упомянем, что модернизация уголовного законодательства, в частности УК РФ, должна обязательно сопровождаться преобразованиями инфраструктуры уголовного закона и в первую очередь системы социального контроля за его использованием.

*Уголовно-правовые (юридико-технические) средства модернизации уголовного законодательства.* Они нуждаются в особом обсуждении с учетом направлений модернизации, полученного опыта применения уголовного закона и состояния правовой науки. Очень серьезная проблема, однако, состоит в том, что современные публикации по уголовному праву сосредоточены в основном на идее усиления борьбы с преступностью, а в этих рамках - на расширительном толковании уголовного закона, поиске пробелов (как правило, мнимых<sup>10</sup>, поскольку границы действия уголовного закона должны рассматриваться как осознанные решения законодателя, а не его пробелы), ужесточении наказания и проч. Печально при этом, что значительная часть научных работников и многие практические деятели выступают против разумных мер, которые стремится провести по отношению к уголовному закону исполнительная власть. Это порождается как содержанием и вектором ресурса уголовного права, так и иными обстоятельствами, но в любом случае играет тормозящую роль. Прямо говоря, в настоящее время интеллектуальная база модернизации уголовного законодательства недостаточна. Научные исследования нуждаются в расширении и, в частности, в ориентации на общее социальное благо, реализацию общего уголовно-правового ресурса. Для этого нужна организационная и иная помощь социальных субъектов, имеющих различные интересы в рамках действующей Конституции РФ.

---

<sup>9</sup> Подробнее см.: Жалинский А.Э. Уголовное право между символическим и рациональным//Государство и право, 2004, № 3. С.51-57.

<sup>10</sup> См. например: Кузнецова Н.Ф.Л криминогенности пробелов уголовного законодательства//Вестник МГУ. Серия 11. Право, 1996, № 3. С.26-34.

В частности, особого внимания заслуживают следующие юридико-технические средства модернизации уголовного законодательства:

а) повышение определенности описания объекта уголовно-правовой охраны и объективной стороны деяния;

б) более информативная характеристика в тексте закона признаков общественной опасности деяния, позволяющих разделить достаточно четко уголовную, административную, гражданскую и иные виды ответственности; при этом следует с рациональных позиций оценить действительное значение таких - в сущности нейтральных к общественной опасности квалифицирующих деяние - признаков как групповое совершение деяния, множественность и другие, заменяя их признаками, дифференцировано и реально отражающими общественную опасность отдельных групп преступлений;

в) приведение в полное соответствие собственно уголовного законодательства с иными отраслями права и, прежде всего, так называемых бланкетных норм с восполняющими их правовыми нормами, что повысило бы предсказуемость уголовно-правовых решений, а главное четко ограничило бы сферу действия уголовного закона.

Совершенно ясно, что это лишь часть юридико-технических средств модернизации уголовного законодательства. Более подробное их обсуждение остается самостоятельной и важной задачей как юристов, так и представителей иных специальностей, осуществляющих конституционно допустимый лоббизм.